

Скрип-скрип...

Рассвет еще не наступил, но утренний ветер разгулялся не на шутку, заставляя старые оконные рамы жалобно дребезжать.

Фэн Синхэ, забившись на узкую деревянную кровать, сонно поплотнее закутался в тонкое одеяло и свернулся калачиком.

— Красавица...

— Не уходи... подойди, поцелуй...

— Чмок-чмок-чмок...

Он вытянул губы трубочкой и, уткнувшись носом в стену, принялся с громким причмокиванием целовать холодную поверхность.

— Фу, какая грубая кожа...

Скривившись от неприятного ощущения, он недовольно пробормотал что-то себе под нос, завернулся в рваное одеяло и, перевернувшись на другой бок, продолжил грезить о прекрасной незнакомке.

После нескольких петушиных криков серый небосвод окрасился в теплые тона. Солнце стремительно выпрыгнуло из-за горизонта, и его лучи, пробившись сквозь бумажные окна, медленно поползли по убогой комнатухе, пока не коснулись деревянной кровати в углу.

В переулке стало шумно, доносились людские голоса.

— М-м...

Лицо Фэн Синхэ вспыхнуло ярче прежнего, он заворочался под одеялом. Хлипкие ножки кровати не выдержали и задрожали, вторя дребезжанию оконных рам: скрип-скрип.

Фэн Синхэ проснулся, но открывать глаза не хотелось — уж слишком сладостным было послевкусие сна. Он вытянулся во весь рост, вытер слюну с уголка рта и тяжело задышал.

Как же было чудесно!

Интересно, чья это красавица забрела в мой сон? Такая белокожая, нежная, да еще и... ох!

Он потер ладони друг о друга, все еще ощущая ту гладкую, бархатистую кожу. Казалось, все было взаправду, и от этого становилось невыносимо тоскливо.

Стоило только открыть глаза, как видение растворилось, словно утренний туман, превратившись в неясное пятно. Фэн Синхэ совершенно не мог вспомнить черты лица той девушки — даже не знал, была ли это женщина или мужчина.

— Эх!

Он сбросил одеяло, вздыхая, стянул грязные штаны и достал из шкафа без дверок пару старых, в заплатках, исподних.

Прыгая на одной ноге, чтобы натянуть одежду, он вдруг бросил взгляд на узелок, лежащий на столе, и взвыл:

— А! Горы Пяти Духов!

Как же я мог забыть?!

Сегодня пора отправляться в путь к горе Тайхуа, что за тысячи ли отсюда. Упустишь такую возможность — неизвестно, когда она еще подвернется.

Зажав в зубах черствый, как камень, лепешку, Фэн Синхэ закинул узелок за спину и оглядел комнату.

В тесной конуре не было ни одной приличной вещи: разваливающаяся кровать, шаткий стол на разновеликих ножках, шкаф без дверей, помятый таз да дырявые окна.

Эта каморка в самом бедном квартале самого нищего города государства Фэнлай, в самом грязном переулке — жалкое зрелище, едва прикрывающее от ветра и дождя. Но сейчас ему стало чуточку жаль ее покидать.

— Прощайте, отец, мать, ваш сын отправляется искать Учителя и постигать мастерство.

Фэн Синхэ тихо сказал это пустоте, запер дверь на замок и легкой походкой зашагал на юго-запад.

— Тетушка Чжу, доброго утра!

— Дядюшка Ван, до свидания!

— Я уезжаю в дальний путь...

...Он всю дорогу до конца переулкa здоровался с соседями, но никто не обращал на него внимания, почти никто не ответил. Он безразлично усмехнулся: не страшно, все равно это в последний раз.

В воздухе витали запахи варева и диких овощей. Фэн Синхэ шумно втянул носом воздух, откусил кусок лепешки и с аппетитом принялся жевать. Не так уж и плохо.

Доберусь до Гор Пяти Духов — там будет еда получше.

...

Горы Пяти Духов по обыкновению набирали новых учеников. Испытания подходили к концу, и те, кто прошел отбор, собрались на террасе Юйсю горы Тайхуа.

Терраса располагалась на самой вершине и служила площадью для наблюдения за звездами во дворце Гоучэнь на пике Инъянь. Просторная и величественная, она упиралась в золоченый, сияющий божественным светом храм Гоучэнь.

В самом верху площади стояли пять массивных каменных кресел с высокими спинками, и лишь пятеро восседали на них.

Линь Цинмэн был одним из них. Сидя на крайнем левом месте, он безучастно взглянул вниз, а затем перевел взгляд на облачное море вдаль.

На площади царила тишина. Там стояло около двух сотен человек: половина — ученики Священных гор, прибывшие со своими наставниками.

Остальные — новички, прошедшие испытания. Они стояли пятью рядами, покорно опустив руки, и выглядели, надо признать, довольно жалко.

Новым ученикам предстояло по очереди поклониться своему будущему Учителю.

Фэн Синхэ, стоявший в самом конце, нервничал. Он поднялся на гору последним, успев приложить руку к Камню Пяти Элементов за мгновение до того, как прозвучал гонг, знаменующий завершение отбора.

Названные по именам новички один за другим выходили в центр площади, церемония посвящения шла своим чередом.

...

— Ученица Ю Суваньэр, Учитель, прошу, примите мой поклон!

— Хорошо, вставай.

Фэн Синхэ резко вскинул голову и прислушался. Четыре слова прозвучали так чисто и прохладно, что ему стало невероятно легко на душе — от макушки до самых пяток.

Жаль, что он стоял слишком далеко и не мог разглядеть лица того, кто это сказал.

Спустя некоторое время он наконец услышал свое имя:

— Ученик стихии дерева Фэн Синхэ, выйти для поклона.

У Фэн Синхэ вспотели ладони, он вытер их о подол одежды. Не паниковать, не паниковать! Подбадривая себя, он решительно зашагал в центр.

Заметив жест наставника, указывающий, куда идти, он повернулся к крайнему правому креслу, готовясь опуститься на колени.

— Погоди!

Тот, кто его остановил, был Бессмертный Цзыхэн, сидевший справа.

Он был главой пика Чжэньлуань гор Цишань. На вид лет пятидесяти-шестидесяти, одетый в белое ханьфу с вышитыми зелеными драконами, с аккуратно собранными седеющими волосами и короной, украшенной нефритом.

Он прищурился, долго изучая Фэн Синхэ, а затем выпустил поток зеленой духовной энергии, которая обвила запястье юноши и тут же рассеялась.

— Хм!

Бессмертный Цзыхэн был явно недоволен, что сквозило и в его голосе, и во взгляде.

— В этом мальчишке даже духовной жемчужины нет! Как он вообще поднялся на гору? И как прошел проверку Камнем Пяти Элементов?

Он повернулся к Божественному Владыке Гоучэню, указал на Фэн Синхэ и произнес жесткие,

как приговор, слова:

— Я не позволю ему вступить на мой пик Чжэньлуань. Никчемный отброс без духовной жемчужины! Кому нужен — забирайте, но, по-моему, его стоит отправить обратно в Девять Областей!

Закончив, он стряхнул невидимую пыль с рукавов и презрительно фыркнул.

Фэн Синхэ опустил голову, лицо его стремительно бледнело, он сжимал в кулаках края своей короткой куртки и кусал губы.

У-у-у... Какая еще духовная жемчужина? Разве не говорили, что достаточно просто подняться на гору?

Божественный Владыка Гоучэнь недовольно нахмурился, оказавшись в затруднительном положении.

Горы Пяти Духов набирали учеников раз в три года, и правила были неизменны: если ты смог подняться на пик Инъянь без сторонней помощи и заставил Камень Пяти Элементов светиться, значит, ты принят. Других условий не было никогда.

Хотя этот юноша не обладал духовной жемчужиной, он заставил камень засветиться. Пусть такого на его веку еще не случалось, но факт есть факт.

Зеленое свечение камня ясно указывало, что юноша лучше всего подходит для практик стихии дерева. Но раз Бессмертный Цзыхэн решительно отказывается его брать, то остальные...

Божественный Владыка Гоучэнь обвел взглядом присутствующих справа налево:

Божественный Владыка Цзяньбин: «...»

Божественный Владыка Чжимин: «...»

Бессмертный Цяньюй: «...»

Отлично! Все молчат. Неужели в самом деле вышвырнуть его в Девять Областей? Или самому забрать к себе?

Фэн Синхэ? Звездная река? Глупый мальчишка? Неужели это он?

Линь Цинмэн словно очнулся от задумчивости. Он откинул со лба прядь волос и небрежно

окинул площадь взглядом. Юноша в льняном ханьфу выглядел самым жалким из всех:

Одежда не просто испачкана так, будто он валялся в грязи, но и местами изорвана в клочья.

Лицо напоминало морду грязного кота — все в земле, песке и крови, невозможно было разобрать черт. Прическа сбилась, ленты для волос давно пропали, а в спутанных локонах запутались сухие травинки и веточки.

Стройная, худая фигура стояла прямо, опустив голову, а блестящие глаза были устремлены в землю. О чем он только думал?

Ай! И впрямь мой маленький бедолага. Хорошо, что никто его не берет, а то потом пришлось бы немало попотеть, чтобы забрать его к себе.

Линь Цинмэн заговорил прежде, чем Божественный Владыка Гоучэнь успел принять решение:

— Раз никто из вас не хочет его брать, пусть идет ко мне на пик Циу.

Тот самый голос! Словно чистый, прохладный источник, от которого так легко на душе.

Глаза Фэн Синхэ засияли, он обернулся и поднял взгляд. Наставник был одет в струящееся белое ханьфу с узором из птиц, отороченное красным, а белый пояс был повязан красной лентой — должно быть, стихия огня...

Он поднял взгляд выше.

Ох! Ох! Ох! Какой же он красивый! Никогда в жизни не видел такого прекрасного мужчину.

На вид ему было не больше двадцати, кожа — белая, как нефрит, нежная, казалось, коснешься — и она лопнет. Линии лица мягкие, черты — словно выточенные искусным мастером. Брови и глаза будто нарисованы, особенно эти персиковые глаза — они словно завлекали в сети.

Мужчина с женственными чертами лица, но никакой женственности в нем не чувствовалось — лишь ослепительная, острая красота. Только лицо было застывшим, холодным, словно лунный свет в ночи.

Длинные волосы полусобраны, на голове корона из красного нефрита, что придавало его облику легкую небрежность.

— Ты согласен?

Губы красавца-бессмертного шевелились, пухлые, влажные...

— Ты не согласен?

Линь Цинмэн долго не получал ответа и слегка нахмурился, его голос стал холоднее еще на два градуса.

— А?

— Согласен! Согласен!

Фэн Синхэ пришел в себя. За долю секунды в его голове промелькнуло столько всего, что у него задрожали коленки.

Осознав свою оплошность, он, не успев даже смутиться, закивал и сделал шаг вперед, опускаясь на колени перед прекрасным Учителем:

— Ученик Фэн Синхэ! Учитель, прошу, примите мой поклон!

Линь Цинмэн остался доволен:

— Вставай!

То-то же! Если бы этот глупый мальчишка сказал, что не хочет, куда бы я спрятал свое прекрасное лицо? Если бы посмел заставить меня потерять лицо, ему бы не поздоровилось.

Но что с ним в конце концов случилось? Разве не обещал, что будет спокойно ждать меня в государстве Фэнлай? Почему вдруг решил сам прийти проситься в ученики?

— Помедленнее!

Пренебрежительное выражение лица Бессмертного Цзыхэна сменилось глубоким недовольством. Он в упор уставился на Линь Цинмэна:

— Бессмертный Цяньюй, этот юноша — практик стихии дерева. Принимать его в ученики на вашу гору Чжаояо кажется не совсем соответствующим правилам, не находите?

<http://bllate.org/book/22359/2344011>